

Б.В. Корнейчук,
НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исследованы теории экономической модернизации экономистов либерального и марксистского направлений. Модернизация определена как постоянный процесс согласования неформальных и формальных институтов посредством механизма демократических выборов. Доказана базовая роль демократии в развитии постиндустриального общества, проанализирована теория неизменного направления экономического развития, или теории «колеи». Подвергнута критике марксистская доктрина «новой индустриализации», которая предполагает масштабную национализацию и переход к централизованной плановой экономике. Показано, что коррупция в России является следствием слабого развития института демократии.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, демократия, институты, постиндустриальная экономика

Проблема взаимосвязи демократии и экономического развития в последние десятилетия находится в центре внимания экономистов всего мира, поскольку непосредственно затрагивает важнейшие практические аспекты формирования экономической стратегии государства. Внимание к ней усилилось в период глобального кризиса 2008-2010 гг., который привел к расширению роли государства в развитых странах. Кроме того, традиционная либеральная трактовка демократии как необходимой основы экономического развития была опровергнута в Китае, в Чили в период правления Пиночета, в ряде других стран. Ее особая актуальность очевидна для России, где до настоящего времени не сформированы устойчивые институты демократии, и вопрос о характере дальнейшего развития страны остается открытым, что требует проведения всесторонних научных исследований и обсуждений вопроса.

Вопрос о роли демократии в экономическом развитии затрагивается в научных работах авторов различных направлений: от либеральных экономистов (А.Аузан, В.Мау) до сторонников плановой экономики (С.Губанов, Р.Кучуков, Д.Миропольский, В.Рязанов), но те и другие авторы не уделяют существенного внимания этому общественному институту.

В своей книге «Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь» А.Аузан относит к базовым общественным институтам государство, собственность и право, а термин «демократия» упоминает лишь дважды, да и то между делом. Он пишет о политике либералов в 90-е годы, в результате которой «наступало естественное разочарование в демократии, потому что демократия приводила к холостому ходу», и замечает, что в тоталитарном сталинском обществе был «очень мощный» механизм общественного договора, а Сталин создал «очень мощный» менеджмент [2, с. 61, 64, 70, 74, 140].

Объяснение такой не вполне обычной для либерального экономиста позиции о роли демократии мы находим в изложенной им концепции «колеи», или неисправимой ошибки первоначального институционального выбора. Автор разделяет мнение, что Россия выбрала «неправильный» путь развития в XIV-XV веках, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества, а затем придумала способ осуществлять прогресс, не расширяя свободы. Из-за этой фатальной ошибки в современной России вооруженные силы остаются формой крепостничества со своими вариантами барщины и оброка, а отношения гастарбайтеров с нанимателями в принципе напоминают крепостнические. Такая позиция исключает демократию из числа значимых факторов экономического развития, поскольку, согласно ей, чрезвычайно сложно, или даже невозможно, изменить вектор развития России из недемократической колеи в колею демократическую. Соответственно предлагаемая автором концепция модернизации напрямую не связана с демократизацией общества, и им вполне допускается возможность в России модернизации без демократизации, в том числе авторитарного типа. Вывод автора о том, что «формула национальной модернизации в России должна быть уникальна» также говорит об исключении им из базовых ценностей модернизации принципов демократии, которые послужили универсальной и общепринятой основой прогрессивных преобразований в развитых странах [2, с. 123-125, 131, 136].

Сходный подход к анализу экономической истории России, основанный на предположении о неком институциональном дефекте, изложен в книге В.Мау «Реформы и догмы», в которой он стремится доказать, что негативным фактором экономического развития издавна служит укоренившаяся в общественном сознании плановая догма, или плановый фетишизм. Так, реализация Николаем I принципов консервативной аграрной монархии привела к замораживанию экономической структуры, введению новых политических ограничений, формированию нетворческого типа образования, ограничению контактов с Западом, а антилиберальная философия правления Александра III послужила усилению экономической роли государства в последние два десятилетия XIX века [6, с. 17, 48, 59].

Принятая автором за основу дилемма «план или рынок», находившаяся в центре внимания еще советских экономистов, лежит в иной плоскости, нежели дилемма «демократия или тоталитаризм», поскольку соотношение плановых и рыночных элементов экономики может регулироваться как демократическими, так и иными механизмами, что показывает пример Китая. Так, по Дж.Гэлбрейту, в условиях демократии неизбежно начинает доминировать плановая система, которая оказывается эффективнее рынка в ряде сфер экономики [5]. Поэтому отрицательное отношение к плановому фетишизму нельзя отождествлять с позитивной оценкой демократии как определяющего фактора развития. Важно не то, какой тип экономического устройства выбран, а каким способом он выбран: демократическим или централизованным. Если большинство населения на свободных выборах выступит за доминирование плановых начал в экономике, то такое решение и следует считать общественно

оптимальным на данном этапе исторического развития. Как писал по этому поводу Э. Фромм, «если момент планирования в высших эшелонах власти не будет поддержан инициативой снизу, если поток общественной жизни не будет расти, то плановая экономика в конце концов окажется всего лишь новой формой манипулирования народом» [9, с. 351].

Таким образом, способ формирования политической власти выступает первичным фактором по отношению к характеру экономической политики и соотношению в ней плановых и рыночных элементов. Однако В. Мау фактически не затрагивает проблему демократизации современной политической системы, а сам термин «демократия» не встречается ни в Предварительных замечаниях, ни во Введении, а в Заключении он используется лишь при оценке власти большевиков, которая отрицала «любые формы демократии и либерализма». Позицию автора о роли демократии не проясняет его итоговый вывод о том, что либерализм и этатизм как два типа экономической политики будут сменять друг друга и в дальнейшем. Это утверждение лишь констатирует наличие в каждом обществе правых (либерализм) и левых (этатизм) ценностей, которые в условиях демократии приходят к гармоническому сосуществованию благодаря свободной конкуренции политических сил. В заключение В. Мау предостерегает об опасности превращения той или иной популярной доктрины в догму и формирования очередного символа веры, однако не раскрывает исторические предпосылки формирования такого рода догм, в то время как, по нашему убеждению, господство «планового фетишизма» могло сохраняться в советском обществе только благодаря тоталитарному устройству. Реальную проблему представляло отсутствие демократии, а живучесть «плановой догмы», на чем делается акцент, – это в значительной степени следствие тоталитаризма. В итоге позиция автора о взаимосвязи демократии и экономического развития в книге осталась неясной, она лишь иллюстрируется отдельными замечаниями, в частности, о конфликте между укреплением политических институтов, восстановлением порядка, «вертикали власти» – и снижением темпов экономического роста [6, с. 444, 450, 457]. В целом, автор сделал новаторский шаг в направлении синтеза экономики, идеологии и политики, но остановился на полпути, не исследовав роль демократии в процессе экономического развития. Учитывая название книги, ему следовало ответить на вопрос, относит ли он ценности демократии к преходящим «догмам» или же к абсолютным ценностям, не зависящим от текущей экономической политики, будь она либеральной или плановой.

Невнимание либеральных экономистов к вопросу о влиянии демократии на экономику можно объяснить очевидностью для них этой причинно-следственной связи. Что касается авторов марксистского направления, то в их работах данная проблема также не занимает значимого места, но уже по другой причине – принципиальной отрицании ими демократии как возможной основы общественного устройства. Действительно, тезис Маркса о диктатуре пролетариата провозглашает заранее известной ту политическую силу, которая с точки зрения интересов общества должна находиться у власти – это рабочий

класс, поэтому иные подходы к проблеме власти рассматриваются марксистами как вредные, враждебные общественному развитию.

В последние годы в российской экономической литературе заявила о себе доктрина «новой индустриализации», авторы которой предложили концепцию перехода к плановой экономике на основе положений марксизма. Закономерно, что предложенный план «советизации» экономики подразумевает ограничение механизмов демократии. Так, В. Рязанов рассматривает программу неоиндустриализации как «мегапроект» со сроком реализации не менее 10-15 лет, который «не вписывается в сроки избирательных компаний (5-6 лет), объективно мешая политической элите ориентироваться на столь длительный период, превышающий срок действия ее властного мандата». Выборные лица, считает он, в своей деятельности в большей степени ориентированы на краткосрочные результаты, которые в текущей политической борьбе приобретают решающее значение [8, с. 29]. Иными словами, предлагается минимум в два раза увеличить сроки полномочий выборных органов, что на деле приведет к замораживанию демократического процесса. В целях создания правовой основы для сужения демократии сторонники доктрины подвергают критике одну из базовых норм Конституции РФ, согласно которой никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (п. 2 ст. 13). Однако в качестве таковой А. Амосов предлагает идеологию «неоиндустриализации», поскольку убежден, что «большинство граждан России поддержат курс на реализацию сформулированных общенациональных идей борьбы за экономическую политику подъема на основе новой индустриализации» [1, с. 40].

Принцип «вождизма», включенный авторами в доктрину «неоиндустриализации», наиболее наглядно демонстрирует ее недемократичность. В учебном пособии для студентов экономических вузов группа авторов развивает теорию «планового человека», обладающего доминирующей «государственной мотивацией», и выделяет два его типа – лидера и аутсайдера, причем «аутсайдер подчиняется руководству со стороны лидера лишь в том случае, если лидер выступает как вождь всего государства». При этом подчеркивается тесная связь «вождя» и «бюрократии»: поскольку у бюрократии «гораздо больше ресурсов для совершенствования производства, чем у отдельного бизнесмена, поэтому она (и особенно вождь) ощущает себя более могущественной и цельной» [7, с. 185, 297].

В контексте проблемы влияния института демократии на экономическое развитие нами выделен более узкий вопрос о взаимосвязи демократии и экономической модернизации. Цель статьи состоит в проведении институционального анализа категории «модернизация» и доказательстве того, что в современных российских условиях демократизация общественной жизни служит основой экономической модернизации.

Термин «модернизация» появился в экономической науке относительно недавно, его введению в научный оборот содействовала теория Зигмунда Баумана, который выделил в истории человечества два основных периода: «твердого модерна» и «жидкого модерна» [3]. «Твердый модерн» отвечает

индустриальной стадии развития общества, когда наивысшей ценностью капитальных благ служит их способность сохранять длительное время свои производственные качества. Прочность моста, долговечность станка, физическая сила человека – таковы ценности «твердого модерна». «Мягкий модерн» отвечает стадии развития, когда наивысшей ценностью становится способность капитальных средств постоянно меняться, обновляться, совершенствоваться. Все большую роль в экономике играют перенастраиваемые станки, гибкость ассортимента товарного выпуска, способности работника к обучению, совершенствованию, творчеству. Иными словами, общество «жидкого модерна» характеризуется постоянным обновлением общественных институтов, технологий, знаний, властных органов. Отсюда следует, что сущностным содержанием категории «модернизации» является не та или иная разовая реформа общества, а механизм постоянного прогрессивного изменения, обновления его базовых элементов. Вместе с тем, в большинстве работ по модернизации под этим термином понимается именно реализация некоторой программы изменений, т.е. предлагается «программный подход» к модернизации.

Программный подход к экономическим реформам сформировался в советский период, когда в условиях неизменности, предопределенности, жесткости условий общественной жизни требовалось провести некие назревшие изменения в хозяйственном механизме. Создавались программы электрификации, индустриализации, мелиорации, «кукуризации», продовольственная, жилищная и многие другие, которые реализовывались не иначе как в режиме «ручного управления». Хотя советские принципы регулирования экономики показали неэффективность программного подхода, они все еще оказывают заметное влияние на работы экономистов различных направлений, а понимание модернизации как механизма постоянного саморегулирования хозяйства, противостоящего методам ручного управления, еще прочно не утвердилось в российской экономической мысли. Отсюда нечеткость, аморфность трактовок модернизации у разных авторов. Так, А.Аузан трактует модернизацию как противоположность застою, а это не исключает ручного, недемократичного регулирования экономического развития по китайской модели. Для разработки некой уникальной национальной формулы модернизации автор предлагает найти «неповторимое сочетание формальных институтов, которые мы можем вводить более или менее сознательно, с институтами неформальными, которые свойственны ровно этой стране, связаны с ценностями этой страны» [2, с. 129-131]. В данной формулировке не выделена определяющая роль универсальных ценностей демократии, а акцент на национальных особенностях делает ее вполне совместимой с некоторыми одиозными концепциями «особого русского пути». По нашему убеждению, отсутствие в концепции модернизации прямого указания на определяющую роль демократических ценностей и механизмов, делает эту категорию аморфной, малосодержательной, не отвечающей изначальному ее смыслу, заложенному в концепции Баумана.

Черты программного подхода заметны в книге В.Мау, который видит главную задачу постиндустриальной модернизации в проведении глубокой структурной трансформации, причем прилагательное «глубокий» явно указывает на разовый характер предлагаемой модернизации. Но дальше автор говорит уже о важности стратегии постоянной структурной модернизации, при которой «власть готова защищать политическими (в том числе внешнеполитическими методами) всех, кто добивается успеха в мировой конкуренции». Тем самым он подразумевает центральную роль государства в процессе модернизации, и даже говоря о важной роли гибкости и адаптивности системы, способности агентов быстро и адекватно реагировать на вызовы времени, он не упоминает демократию [6, с. 443-448]. А разве каким либо иными способом можно обеспечить эту адаптивность? Предлагаемые различными экономистами концепции модернизации обычно завязаны на доминирующую роль государства, что, на наш взгляд, демонстрирует живучесть советских традиций взаимодействия экономической науки и власти.

Последователи марксизма понимают модернизацию, прежде всего как масштабную национализацию и переход к директивной экономике, что означает возврат к ручным методам управления и исключает развитие институтов демократии. Так, один из создателей доктрины «новой индустриализации» пишет: «Чтобы наверстать упущенное в социально-экономическом развитии, России нужно форсировать межотраслевую консолидацию собственности. Целесообразнее всего перейти на поступь плановых пятилеток...» [4, с. 13]. Таким образом, трактовка модернизации современными марксистами противоположна первоначальному ее значению как базового принципа «жидкого модерна», обеспечивающего постоянное и бесконфликтное обновление институтов на основе механизмов демократии, а поэтому такая «модернизация» является по сути анти-модернизацией. Непременным атрибутом марксистских концепций модернизации является их изоляционистский характер, предопределенный базовым тезисом Маркса о диктатуре пролетариата. Поскольку пролетариат берет власть навечно, он вынужден создавать идеологические, административные и экономические барьеры для проникновения в общество идей демократии, что неизбежно проявляется в целенаправленной международной изоляции страны. Примером изоляционистской программы реформ служит предложение отдельных российских экономистов отказаться от доллара, что поставит под угрозу валютные вклады населения, которые в марте 2014 г. превышали 90 млрд. долл. Фактически речь идет о политике «валютного раскулачивания», которая может привести к столь серьезным социальным конфликтам, как и сталинская коллективизация. Понятно, что при развитой демократии ни одна политическая партия не получила бы поддержки избирателей на проведение такой конфискационной «модернизации».

Теоретические основы проблемы «демократия и экономика» лежат в современной теории постиндустриального общества, которое также характеризуют как информационное (М.Кастельс), индивидуализированное (З.Бауман), постэкономическое (В.Иноземцев), общество риска (У.Бек),

общество Третьей волны (Э.Тоффлер). Все концепции нового общества имеют сходство в том, что во главу угла поставлен переход от экономики простого, исполнительного труда к экономике личностного творчества, что коренным образом преобразует все общественные институты, в том числе политические. В индустриальной экономике характер общественной жизни предполагал существование небольшого количества центров власти: царь, министры, губернаторы, дворяне и т.д. Но в постиндустриальной экономике деятельность человека в различных сферах общественной жизни постоянно требует принятия творческих самостоятельных решений, т.е. он объективно становится субъектом экономической, общественной и политической власти. Таким образом, властные полномочия в современном обществе все в большей степени децентрализуются, усиливая потенциальное влияния каждого человека на экономическое развитие страны. Это влияние не может быть реализовано иначе как посредством механизма выборов, на которых избиратели теперь выступают скорее как квалифицированные эксперты предлагаемых политиками экономических программ, а после выборов – и как их творческие исполнители. В этой ситуации принципиально важно, чтобы реализуемая властью экономическая программа была поддержана большинством избирателей, которые своими творческими (а поэтому неподконтрольными) действиями могут ей содействовать или затормозить, сделать невыполнимой. С точки зрения институциональной теории демократия есть механизм, который в условиях ускоряющегося развития постиндустриального общества позволяет оперативно приводить в соответствие более динамичные неформальные институты и консервативные формальные институты, оформленные в законы и другие обязательные нормы, и тем самым предупреждать возникновение в обществе глубоких социальных конфликтов и опасных экономических диспропорций.

Проблема коррупции, тесно связанная с проблемой «демократия и развитие», требует отдельного исследования. Здесь мы лишь заметим, что уровень коррупции служит объективным и наглядным критерием зрелости института демократии. В условиях развитой демократии высока вероятность разоблачения, увольнения и общественного порицания чиновников-взяточников, что обеспечивается наличием достаточных организационных, финансовых и медийных ресурсов у оппозиционных политических сил. Отсутствие же сильной оппозиции существенно снижает риск разоблачения для взяточников и ведет к росту коррупции. Высокий уровень коррупции в России служит дополнительным аргументом для проведения широких исследований проблемы взаимосвязи демократии и экономического развития.

Литература

1. Амосов А. Новая индустриализация: связь политики и идеологии // Экономист. 2013. № 8. С. 33-40.
2. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2014.

3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
4. Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. № 11. С. 3-55.
5. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М.: Изд-во АСТ, Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004.
6. Мау В. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861-1929). М.: Дело, 2013.
7. Основы теоретической экономики / под ред. Д. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008.
8. Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3-40.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003.